

Нарцисс с України

Павел Малов

2026-03-04

Contents

Нарцисс с України	1
Павел Малов	

Нарцисс с України

Эротическая повесть

1

Когда померла от онкологии мать, а через пару лет и запивший с горя батя, мы с младшей сестрой Наталкой остались одни. Наше горе совпало с развалом единой страны, Советского Союза. Украина вдруг стала незалежной, и всё покатилося, включая экономику, как с горы снежный ком... Сестрёнке моей было двадцать четыре рока, мне - тридцать. Дивчины у меня до сих пор не было: я по натуре робкий, стеснительный и не разговорчивый, - познакомиться с девушкой было для меня большой проблемой. Мало того, в свои тридцать лет я всё ещё оставался девственником. Только регулярно мастурбував, но это не в счёт. Мало того: у меня были некоторые особенности, можно сказать - странности. Я имел пристрастие к женскому нижнему белью, особенно к трусикам, чулкам и колготкам, а когда мастурбував, - садился на свечку. От этого кайф во многом усиливался, и было ощущение, будто меня одновременно сношают в попу.

Я отдавал себе отчёт, что мало похож на настоящего парубка. Вернее - зовсим не похож. Скорее, я был - несостоявшейся

дивчиною. Но мне – всё равно. Я был такой, какой есть и ничего поделаться с собой, а тем более – изменить, не мог. Я втайне мечтал о мужской любви, о том, чтобы меня когда-нибудь реально трахнули в попу. Раздевшись перед зеркалом до гола, я внимательно, с удовольствием разглядывал свою задницу, насколько это было возможно. Мне очень нравилась моя попа: она была по-женски круглая, сильно оттопырена, очень белая, нежная и мягкая на ощупь. Лаская её руками, я получал истинное наслаждение. Но мне хотелось большего: чтобы мяли и ощупывали мою попу чужие руки, и, конечно же, – чоловичи. Чтобы осторожно раздвигали пальцами пухлые булочки, засовывали пальцы в мою тугую, чистую дырочку, разрабатывая до нужного размера. Потом, осторожно вводили свои большие и твёрдые, налитые горячей кровью, красивые члены. Я содрогался при одной мысли об этом. У меня сейчас же появлялось желание взять чей-нибудь член в рот и нежно отсосать, довести людину до страстного, взвинченного состояния. Чтобы он корчился в сексуальных судорогах и громко стонал от моего умелого, умопомрачительного язычка, облизывающего упругую шляпку его торчащего, возбуждённого члена и жилистый, поросший мягким волосом у основания, ствол.

Когда именно это необычное влечение зародилось, не помню... Скорее всего, уже в беспокойные новые времена, когда Украина наконец-то в начале девяностых отделилась от Москвы и мы зажили самостийно. Как раз тогда неожиданно вспыхнул повальный интерес зрителей к запретным раньше западным порнофильмам – их теперь можно было сколько влезет бачить в небольших подвальчиках, мини-кинотеатрах (один-два купон-карбованца за сеанс). Их много тогда пооткрывалось, таких подвальчиков. Смотрели с видео-кассет, некачественные копии (быть может, двадцатую и больше перезапись) – скверно дублированные, то и дело потрескивающие, мигающие, а то и рвущиеся в самых интересных местах! Видеосалоны были набиты битком, очереди занимали за час до начала сеанса и терпеливо выстаивали на улице. В холодные вечера парубки согревались принесённым с собой алкоголем, водкой, но чаще традиционной горилкой.

На следующий день я с наслаждением вспоминал все наиболее интимные сцены фильма, как бы прокручивая киноплёнку по второму разу. От таких сладких мыслей у меня всегда вставал, и я мастурбував перед зеркалом с упоением и страстью – на самого себя, наслаждаясь самим собой, как древнегреческий юноша Нарцисс, который впервые изобрёл этот способ наслаждаться собственной прекрасной обнажённостью. Если бы можно было, –

я, не задумываясь, ласкал бы ртом и язычком свой собственный член. Но, увы... Этот вариант по понятным причинам отпадал. И я всё чаще поглядывал на окружавших меня хлопцев и чоловикив.

Однажды ехал в набитом битком львовском автобусе на работу. Ко мне сзади плотно прижался кто-то – я не видел, чоловик или парубок. Только ощущал попой его сильно вставший на меня, твёрдый упругий член. Он буквально воткнулся мне в ложбинку между ягодиц – тонкие летние брюки плотно обтягивали мою возбуждённую задницу вроде трико. От толчков и покачивания автобуса член неизвестного всё время тёрся об мою попу и становился всё твёрже и твёрже. Я помертвел от долгожданного удовольствия, стал незаметно ему помогать, подмахивая попой. Он принялся орудовать между моими мягкими пышными булочками откровеннее. Я тоже постепенно осмелел и тёрся об его член почти в открытую, ожидая, что он вот-вот кончит. У меня тоже вскоре вскочил и упёрся в жопу впереди стоящего. Я ничего не мог с собой поделывать, потеряв всякий контроль. Как на грех, это был сильный и высокий чоловик в возрасте. Почувствовав на своей заднице мой фаллос, он сразу всё понял, повернул ко мне искажённое брезгливой злобной гримасой облыччя и, ни слова не кажучы, ткнул меня большим, волосатым кулаком в зубы. Я вскрикнул от неожиданности и боли, отшатнулся от него насколько позволяла теснота в салоне, схватился рукой за окровавленный рот. Другая рука была занята поручнем вверху.

Пассажиры вокруг зашумели. Ничего не поняв, подумали, что я карманник. Не глядя на ударившего меня чоловика, я стал с силой решительно проталкиваться к выходу. Член у меня продолжал предательски выпирать. Когда раскрылась дверь на остановке, мужчина вытолкнул меня из автобуса, подцепил напоследок ногой пид зад. Я пулей вылетел на двир, чуть не врезавшись головой в металлическую стойку остановки. В салоне засмеялись.

С разбитой вздувшейся губой, весь в слезах я поспешил прочь от своего позора. Дома соврал Наталке, что ударили хулиганы. Ночью мне не спалось, мучила дикая стоячка. К тому же я всё время мысленно переваривал эпизод в автобусе: с наслаждением вспоминал чужой член у своей попы. Если бы не тот сердитый мужик впереди, я бы непременно довёл заднего незнакомца до семяизвержения. Подумать только: на меня реально встал у кого-то пенис и он реально хотел меня поиметь, як дивчынку! От таких мыслей как можно было заснуть?!

Достав сигарету из пачки, прихватив зажигалку, я в одних

трусах пошёл на цыпочках, чтобы не разбудить спавшую в зале Наташку, на балкон. Я всегда там курил. Сестра спала раскрытая, лёжа на животе. Её большая округлая попка казалась совершенно голой – так глубоко врезались в пышные мясистые булочки ягодиц малюсенькие белые стринги, которые уже входили тогда в моду среди украинской молодёжи. Аккуратную узкую спину пересекала тоненькая полоска чёрного кружевного лифчика.

Я глянул на спящую в вызывающей эротической позе Наташку и мне дико захотелось её трахнуть. Несмотря на то, что она мне ридна сестра. Я вышел на балкон, прикурил от зажигалки сигарету Lucky Strike, которые предпочитал остальным, даже нашим, украинским. В мыслях была полуобнажённая сестрёнка. Но и происшествие в автобусе не исчезало, хотелось соединить их вместе: Наташку и того, неизвестного пассажира, который тёр об мою аппетитную, почти девичью задницу свой вставший писюн. Хотелось, чтобы он сейчас появился здесь, в нашей уютной и тихой ночной квартире: трахнул бы меня в попу, а я в это время лизал бы у сестрёнки «киску». Или целовал аппетитные пухлые половинки. Или сосал анальную, стянутую в тугой узелок дырочку.

От фантазий у меня поднялся член, да так сильно, что не помещался в трусах. Я снял их и ощутил привычную пьянящую лёгкость во всём теле. Так всегда было, когда я оставался голый. Появлялось ощущение неземной лёгкости. Казалось – взмахни руками, словно крыльями, и полетишь.

Я торопливо докуривал сигарету, левой рукой поглаживая и лаская набухшую, как шляпка небольшого гриба, головку члена. Ситуация была пикантная, – остроты добавляло ощущение опасности – в любую минуту могла проснуться Наташка и застукать меня в таком виде. Но это была сладостная опасность. Втайне мне даже хотелось, чтобы сестрёнка увидела меня, совершенно голого, дрожащего на балконе писюн – на неё, естественно. Я глянул вниз с балкона, сбил пепел с сигареты. На верёвке висела целая связка наташкиного нижнего белья: постиранные трусики и лифчики. У меня учащённо забилось сердце и стало сладостно в паху при виде всего этого женского соблазнительного кружевного интима.

Щёлчком пальцев выбросив на газон внизу докуренную до самого фильтра сигарету, я выбрал малюсенькие красные стринги, натянул их на себя. Стоящий толстым прямым колом член, конечно же, в крохотном треугольном лоскутке не поместился. Я натянул его на головку сколько мог; член, стоя почти горизонтально, сильно оттянул треугольничек

стрингов. Мне стало так хорошо и сладко, что я тут же сорвал с верёвки ещё одни сестрёнкины трусишки, прижался губами к тоненькому нейлоновому лоскутку, к внутренней стороне, об которую не так давно тёрлась Наташкина сладкая, как мёд, вагина, и стал нежно и ласково целовать. Я представлял, что смакую и облизываю саму сестрёнкину писю. Левая рука моя, крепко обхватив член вместе с оттянутыми красными стрингами, заходила по вздыбленному стволу ещё быстрее. Я начал представлять, что сношаю Наташку, что она не против, и сама мне даёт, жадно раскинув красивые стройные ножки и распахнув, как створки жемчужной раковины, красное влагалище.

В голову тут же ударил завораживающий хмель экстаза. Я поплыл мысленно куда-то в ночь, потерял способность что-либо соображать и контролировать свои действия. Кайф был неземной, потусторонний – я настолько возбуждился, что засунул наташкины трусики в рот и стал жевать. От этого вдруг так бурно кончил, что сперма – залив трусики – потекла из-под них по ногам. Я жевал сестрёнкины чистые стринги и продолжал ещё некоторое время, корчась и вертя, как похотливая шлюха, голый жопой, драть свою «палку» под мокрыми насквозь трусиками. Из горла моего при этом вырывались приглушённые эротические хрипы и неразборчивый шёпот, как будто я прощался с жизнью. Я заметил, что всегда, когда испытываю оргазм, – почему-то зову маму. В этом тоже было, видимо, что-то глубинное, эротическое. Ведь не секрет, что первое влагалище, которое видит и ощущает любой самец – это мамино, – при рождении.

Не соображая от сильного возбуждения, что делаю, я вытащил мокрые от слюны стринги изо рта и снова повесил за балкон на верёвку. Трусики, которые были на мне, поспешно снял и бросил на пол. Руки мои тряслись, колени подгибались, член продолжал стоять вертикально, крепко прижимаясь к животу. Мне хотелось продолжать удовольствие, но уже не так, а как-нибудь по-другому. Я был не совсем удовлетворён. Мне хотелось большего. Но чего именно, я чётко определить не мог. Забыв на балконе зажигалку и свои скомканные трусы на перилах, я шагнул в зал. Наташка спала уже на боку, выставив огромный бугор попы, и от этого выглядела ещё эротичней и соблазнительней. Она, конечно же, ничего не слышала, что происходило до этого на балконе.

И тут я вдруг понял, чего я именно хочу, – быть таким же, как она! Иметь такую же пышную большую жопу, упругие красивые сиськи с коричневыми сосками, стройные длинные – от ушей – ножки, бритую, по детски маленькую беспомощную писю

(я не видел, но мне почему-то казалось, что Наташка бреет свою «пилотку»). А главное, – мне хотелось нравиться мужикам, чтобы на меня вставали их огромные, красивые фаллосы, чтобы они давали их мне в рот и вводили осторожно и ласково в мою раскрытую, возбуждённую до невозможности попку.

Насладившись визуальным наташкиным полуобнажённым прекрасным телом, я снова вернулся в свою комнату, покурив у раскрытого окна, но ночные сладостные видения и фантазии не исчезали. Член тоже не падал, продолжая стоять и мучить меня режущей болью в яйцах. Тогда я достал из тумбочки толстую восковую свечу, перочинным ножиком быстро обработал её верхушку, сделав гладкой и закруглённой, как мужской писюн. Поставил на пол, смочил верх слюной и стал осторожно садиться на неё своим очком. При этом снова надрачивал набрякший, не ложившийся до сих пор член. Стало вдруг так хорошо и улётно, что дырочка моя распахнулась вдруг навстречу свечке, как розочка. Я буквально насадил себя на этот восковой длинный и толстый кол. От кайфа, ударившего враз в голову, беспомощно вскрикнул и заработал правой рукой по члену ещё быстрее. Тут только я почувствовал, – что именно мне было нужно: не просто помастурбировать на полуголую Наташку, а чтобы самому ощутить себя ею. То есть – мне всегда в таких случаях хотелось почувствовать в себе мужской пенис. И пусть его заменяла свечка, я всегда представлял, что отдаюсь живому, реальному човикови.

Сейчас, достигнув взрывного оргазма, безудержно фонтанировал спермой. Кайф был именно женский, затяжной, конвульсивный. При этом я представлял, что меня имеет сильный темпераментный самец, и я ему отдаюсь, соблазнительно виляя голой оттопыренной попкой, в экстазе призывая маму.

Трахнув сам себя свечкой в анал, спустив вторично, облившись густой и вязкой молочной спермой, я обессилел. Позабыв обо всём, вяло добрёл до своей кровати и рухнул в изнеможении, как был, голый, на не разобранный постель. Не заметил, что измазал одеяло клейкой сдрочкой, которой был залит весь мой живот и ляжки. Заснул глубоким, без сновидений, сном в поте лица поробывшего человека...

Меня разбудил взбешённый Наташкин голос:

– Тварь конченная, онанист грязный, – что это такое?!

Открыв глаза и поняв, что лежу перед сестрёнкой совершенно голый, с открытым членом, я поспешно натянул на ноги покрывало, прикрыв пах. В страхе взглянул на разгневанную Наташку. Она стояла передо мной в прозрачном голубом

шёлковом пеньюаре, выставив вперёд правую руку, на указательном пальчике которой покачивались сморщенные от моей засохшей спермы красные трусики.

- Что это такое, Сашко? - повторила она, презрительно разглядывая мою виноватую физиономию. - Зачем ты обкончал мои стринги? Ты их на себя надевал? Ты что, гомик беспонтовый, да?

Мне было стыдно её слушать до ужаса. Я не знал, куда девать глаза и готов был провалиться от стыда сквозь землю.

- Что молчишь, урод? Отвечай: ты тайком примеряешь мои трусики, да? - продолжала щекотливый допрос сестрёнка. - Ты извращенец?

- Нет, - отрицательно затряс я головой.

- А почему мои стринги в твоей сдрочке?

- Я не удержался и надел их на балконе, - пролепетал я слабым голосом, пряча смущённо взгляд.

- И что дальше?

- И... нечаянно спустил, - сознался я.

- Мама мия. Мий брат - педик! - всплеснула руками Наташка. - Кому сказаты...

- Наташа, никому не говори, - попросил я.

- Ладно, на первый раз прощаю, - решительно отрезала сестра, бросила мне красный смятый комочек. - Вот, постирай трусики и больше на меня по ночам не дрочи. Ещё раз замечу - напишу заяву в ментовку, что ты меня пытался згвалтуваты. Менты приедут, примут тоби и упакуют на нары, а там из тебя парубки быстро классную девку зроблять. Тилькы спаты будешь после этого под шконкой...

Демонстративно развернувшись, Наташка гордо удалилась к себе в зал. Я по-быстрому набросил на себя трусы, джинсы и спортивную майку. Поспешил в ванную стирать сестрёнкины трусишки. Так Наташка узнала, что я тайный трансвестит и онанист...

Но мне хотелось не просто надевать тайком женское бельё и дрочить, а реально отдаться какому-нибудь парню или мужчине. Но как это лучше сделать и где найти похожих на себя людей, я не знал и действовал наобум, как бог на душу положит. И в результате, часто попадал в нелепые ситуации, вроде той, - в переполненном ЛАЗе. Однажды зашёл в туалет в

управлении крупного городского завода, в котором был по делам фирмы. Наше предприятие поставляло заводу комплектующие, и мне нужно было оформить необходимые документы на очередную партию. Дёрнув за ручку прикрытую дверцу одной из кабинок, я вдруг увидел сидящего на корточках над унитазом, вмонтированном в пол на ступенчатом помосте, здорового, коротко стриженного чоловика в пиджаке и былой цветной рубашке-вышиванке. Вероятно, это был один из служащих заводоуправления. Самое примечательное, что бросилось мне в глаза – его огромный, жёлтый, стоявший член, нацеленный, казалось, прямо в меня. Такого большого агрегата я ещё никогда не бачыв. Он был так красив, что я на минуту застыл в оцепенении, любуясь этим пикантным произведением природы. Крупные, волосатые яйца, похожие на маленькие старинные пушечные ядра, дополняли завораживающую картину.

– Что уставился? Не видишь – занято! – недовольно зыркнул на меня мужчина в украинской вышиванке и сердито прихлопнул перед самым моим носом дверцу кабины.

Я конфузливо извинился, помочился в соседней свободной кабинке, вышел в «предбанник» мыть руки. Вскоре подошёл мужчина, пристроился рядом, у соседней раковины. Я взглянул на него с таким вожделением, вспоминая поразивший моё воображение его мужской орган, что мужчина опять рассердился:

– Чего надо, ну? Что пялишься? Или я тебе три тысячи карбованцев повинэн?

Я тут же ухватился за его подсказку, и решил рискнуть, но не упустить удобного случая, а там – будь что будет! Закрыв воду в кране и продолжая гипнотизировать его откровенно похотливым, вульгарным взглядом, я чуть слышно, ватными губами, заикаясь пролепетал:

– Хотите, я вам дам три тысячи... Только у меня к вам есть одна небольшая просьба...

– Ну? Излагай! – с угрозой повернулся ко мне мужчина в вышиванке.

– Дайте мне поцеловать ваш член, – убитым голосом, одними губами, как мышь, пискнул я.

В ту же минуту, получив сильный и резкий удар в правую челюсть, я, словно пушинка, отлетел к стенке. Не удержавшись на ногах, бессильно сполз на пол. Беспомощно вскрикнул, схватившись за место удара и зажмурился в ужасе глаза. Разгневанный мужчина, подлетев, ударил меня ещё несколько

раз кулаком по лицу. Из носа и губы у меня густо хлынула кровь. Я заорал, как резаный, и стал звать на помощь. Мужчина испугался, что на мой отчаянный вопль сбегутся сотрудники, двинул меня тяжёлой ногой в бок и выскочил из туалета...

- Что, опять хулиганы напали? - встретила меня дома с лукавой, всё понимающей улыбкой сестра Наталка.

- Вроде того, - буркнул я через вздувшуюся фиолетовым вареником, разбитую губу, пытаюсь стыдливо прикрыть её рукой с носовым платком. В то же время огромный «фонарь» под глазом и свежие ссадины на физиономии красноречиво говорили о моём очередном конфузе. Поспешно проскользнув в свою комнату, я закрылся на ключ, упал на кровать и горько, по-бабьи, расплакался от обиды.

Найти себе любовника мне явно не удавалось. Но я всё-таки не терял надежды...

2

Наташка была безалаберная и неаккуратная дивчина, небрежно разбрасывала свои вещи по всей квартире, потом подолгу искала нужную. В шифоньере одежда её лежала навалом, то же самое было в ванной комнате, куда она сваливала прямо на пол под раковину грязные вещи для стирки. Я этим пользовался, выбирал из её грязного интимного гардероба понравившиеся трусики, колготки и лифчики, засовывал куда-нибудь подальше под ванную, чтобы она во время стирки не могла их найти. После доставал, сам по-быстрому, неумело застирывал, сушил у себя в комнате на батарее. С вожделием примерял перед зеркалом, раздевшись вечером до гола. Видуха была просто - супер! Правда, лифчики были довольно великоваты, но тут уж я ничего не мог поделать: сиськи у сестрёнки были куда больше моих - мальчишеских. И бюстгальтер мне нужен был, по идее, - нулевого размера.

Лобок и яйца я себе аккуратно выбривал безопасной бритвой; без волос пах смотрелся очень красиво и эротично, как у маленького мальчугана. Хотя член был вовсе не мальчишеский, а довольно крупного размера, вполне мужской. Но мне не хотелось им никого трахать, я мечтал, чтобы трахали меня, - и любили, как девушку.

Я отпустил очень длинные, ниже плеч, волосы, в салоне «Блек-Джек-Тату» вставил себе в правое ухо, как и положено

геем, маленькую серьгу, набравшись храбрости, купил как-то в промтоварном магазине «Паньчохи», в отделе женского нижнего белья, несколько красивых узорчатых лифчиков нулевого размера, пару нейлоновых чулочков чёрного и белого цвета и тоненький прозрачный кружевной пояс. У продавщицы предварительно справился, какой размер чулок носят пятнадцатилетние девочки? Соврал, что моей племяннице как раз на днях исполняется пятнадцать лет, и я хочу сделать ей небольшой презент. Она ответила, что подойдут эти, которые я выбрал.

На мне, под джинсами, были маленькие невесомые Наташкины стринги ярко синего цвета, сильно врезавшиеся сзади в попку, и её же бюстгальтер, в большие чашечки которого я подложил ваты. Но мне не терпелось примерить только что купленный, нулевого размера лифчик и чулки с поясом. В туалет идти я опасался, помня, как меня недавно избил в сортире украинский националист, которых всё больше появлялось в городе. Поэтому я прошёл в мужской отдел, где продавали костюмы, взял, не выбирая, наугад, один и прошёл за ширму в примерочную кабинку. Быстро раздевшись до белья, я критически осмотрел себя в зеркале: на меня смотрела стройная, довольно симпатичная девчонка. Общее впечатление немного портили набитые ватой чашечки Наташкиного бюстгальтера, отсутствие косметики на лице и, пожалуй, – всё. Остальное было вполне девичье: и талия, – от природы узенькая, девчоночья, и прямые, без единой волосинки, ножки (у меня и на лице волосы почти не растут!), и узкие, не мужские, угловатые плечи, и белое и нежное, красивое женственное личико.

Я осторожно, чтобы не выпала на пол вата, расстегнул и снял Наташкин лифчик, надел только что приобретенный. Он плотно обтянул мою грудь, и мне стало в нём весьма хорошо и комфортно. Спустил с крутых, чётко обозначенных, почти что женских бёдер сестрёнкины тонюсенькие трусики, затянул на талии пояс с застёжками, распечатал прозрачный, сильно шуршавший пакет с беленькими чулками, плотно натянул их поочерёдно на свои красивые ножки, закрепил застёжками пояса. Сверху надел трусики. Снова повертелся перед зеркалом. Вид был такой, что я просто обалдел от удовольствия. Впору было воспылать преступной эротической страстью к самому себе.

У меня и впрямь начал подниматься член. С ума сойти, – я хотел отодрать самого себя! Забыв под влиянием нахлынувшей на меня страсти обо всём на свете, презрев опасность быть застигнутым в примерочной продавщицами, не отдавая себе

отчёта в том, что делаю, я начал методично драть под тонким лоскутком стрингов встающий пенис. Вскоре он торчал уже так, что выскочил из Наташкиных трусиков, в которых остались одни яички. Я гонял его в кулаке так интенсивно, что аж вспотел. Появился сладостный зуд в паху и одновременно – в заднем проходе. Я отодвинул тоненькую кружевную полосочку стрингов, смочил указательный палец правой руки слюной изо рта и, не переставая манипулировать левой рукой, стал вводить палец в послушно раздвигающееся очко. В голову мне сразу же ударила опьяняющая волна эйфории. Кайф был особенный, обезволивающий, улётный.

Я смутно слышал за ширмой примерочной чьи-то голоса: у меня видимо что-то спрашивали покупатели, которым тоже нужно было примерить вещи. Но я почти ничего не слышал, не придавал ни чему значения и ни на что не реагировал. На меня нахлынуло вдруг отупляющее безразличие ко всему на свете, когда даже под угрозой расстрела ничего больше не хочется, кроме продолжения сеанса. Тем более приближался острый момент оргазма, и остановить его было сверх моих человеческих сил.

Возмущённые голоса за ширмой не стихали, а становились всё громче. Видимо, подошёл кто-то из магазинного начальства. Строгий женский голос спросил:

– Чоловик, що вы там робытэ?! Чому так довго? Выходьтэ зараз же або поклычэмо охоронця!

Я понял, что заигрался, сразу прекратил мастурбировать и с испугом, торопливо крикнул в ответ:

– Сейчас, сейчас, не беспокойтесь... Не входите, пожалуйста, девушка. Шнурок не могу развязать, узел затянулся.

– Так цэ москаль до нашого магазыну прыйихав, – слышался чей-то недовольный мужской бас. – И що йим тут, чы мёдом намазано, проклятым!

Я быстро, как солдат первого года службы на учениях, надел носки, джинсы и рубашку, торопливо запихал в пакет старый Наташкин лифчик и упаковку от новых чулок. Критическим взглядом окинул себя в зеркале: член продолжал топорщить джинсы впереди, – это единственное, что меня выдавало. Всё остальное было в норме и я, схватив злополучный костюм, стараясь им прикрываться, поспешил выйти из примерочной. В зале, перед моей кабинкой столпилась небольшая очередь. Пожилая, полноватая женщина в форме продавца, вероятно, та самая, что разговаривала со мной недавно через ширму,

подозрительно взглянула на мою смущённую, красную от волнения физиономию. Извинившись и ни слова ей больше не говоря, я повесил костюм на место и направился к выходу.

Член мой и не думал ложиться, наоборот, от трения об одежду вставал ещё больше. Я, стараясь не привлекать внимания прохожих, стыдливо прикрывался пакетом. Мне страшно хотелось кончить, но не просто – от мастурбации, а сидя на большом жилистом фаллосе какого-нибудь сильного, похотливого самца. Меня просто сжигало это неудовлетворённое желание, в паху разливалась сладостная истома, задний проход ныл и чесался.

Я решил предпринять ещё одну отчаянную попытку найти себе любовника и пошёл в городской парк, который раскинулся недалеко отсюда, всего каких-нибудь две остановки на троллейбусе. Был вечер обыкновенного буднего дня, и на аллеях парка не очень много гуляющих. Я зашёл поглубже в кущери, где людей почти не было, присел на лавочку, закурил свою любимую Lucky Strike и стал ждать. Долго никто не появлялся, вернее, – не было подходящего для меня объекта. Всякие бабушки-пенсиирки с малолетними внуками и внучками, или молодые мамы с грудничками в колясках – не в счёт. Член мой постепенно успокоился и лёг, в голове немного прояснилось, – я понял, что делаю что-то не так. Действительно, какой смысл бесцельно протирать штаны на лавочке, надеясь, что какой-нибудь парубок или мужчина случайно ко мне подсядет? Шансы не велики. Не лучше ли самому побродить по аллеям, поискать нужную кандидатуру – авось повезёт? Я так и сделал.

На одной из отдалённых дорожек, в таком диком, запущенном месте, что туда вообще, вероятно, никто никогда не забредал даже спьяну, увидел на лавочке одинокого паренька лет восемнадцати-девятнадцати. Он курил, украдкой массируя у себя между ног, и то и дело с опаской зыркал по сторонам. Я обрадовался, решив, что это именно то, что мне нужно. Парковый онанист – просто находка для таких, как я! Замедлив шаг, чтобы невзначай не спугнуть его, я беззаботно направился к лавочке, делая вид, что ничего не замечаю. Когда он с нескрываемой тревогой на меня посмотрел, я приветливо, по-свойски, ему улыбнулся, давая понять, что меня ему опасаться нечего, – я всё прекрасно понимаю и ничуть не осуждаю.

Он бросил окурочок на асфальт, затёр ногой и дёрнулся было встать, но я торопливо остановил его, испугавшись, что он уйдёт:

– Подожди, хлопэць, что-то скажу!..

- Чого щё? – недовольно посмотрел на меня он.

- Присядь, будь ласка, – предложил я и сел на лавочку. Наученный горьким опытом недавно в магазине, я стал вставлять в свою речь некоторые слова на мове. Чтобы люди понимали, что перед ними украинец, то есть – свой!

Он опустил на своё прежнее место, с некоторой опаской косясь на меня. Всё ещё не доверяя и ожидая какого-нибудь подвоха. Я достал из кармана брюк белую с синей картинкой, полуовальную пачку очень дорогих сигарет «Parliament», которые приобрёл как раз для такого случая, протянул ему:

- Частуйся.

Он с жадностью взглянул на такое богатство, скромно вытащил одну сигаретку, сдержанно поблагодарил. Я тоже взял себе сигарету, сунул всю пачку ему:

- Бери всё, дарю. Я соби ещё куплю.

Он недоверчиво взял пачку. Я прикурил от зажигалки, поднёс огонёк ему. Мы дружно задымили, и я почувствовал, что он начал оттаивать. Первоначальная настороженность уступила место интересу ко мне. Ему было непонятно, за что я подарил ему дорогие сигареты, и что попрошу взамен?

- Как тебя зовут? – спросил я, переходя к делу.

- Колян, – копируя молодёжный сленг своих дворовых дружков, развязно ответил он.

- Вот и хорошо. А меня – Саша. Сашко... Будем знакомы, – проговорил я, дружелюбно протягивая ему руку.

Он, немного поколебавшись, пожал её.

- У тебя есть дивчинка, Колян? – продолжал допытываться я, и он насторожился.

- Не-а, – мотнул он головой, странно посмотрев на меня и выпустив в мою сторону густую струю сизого табачного дыма.

Я уловил перемену в нём и поспешил развить свою мысль:

- И правильно, что нет. Тебе ещё рано об этом думать... вернее – думать не рано, но вот одружуваться... Девчонки, твои сверстницы, ещё ничего не могут... вернее – в доме по хозяйству ничего не могут. Особенно городские. Им бы всем – только гульки, да танцульки на дискотеках! В голове – ветер и пустота: сами поначалу парням на шею вешаются, в постель тащат. Трахнешь её, – она на утро испугается, что «подлететь» может, мами всё выложит. Та в крик и в милицию – писать заяву,

что изнасиловали... А за изнасилование, сам знаешь – срок! В вязницу по этой позорной статье попадёшь – самого девкой в камере зроблять...

Он усмехнулся, не понимая, к чему я клоню, но слушал с интересом. По-видимому, так доверительно с ним никто ещё не разговаривал. Я, воодушевлённый его вниманием, продолжил:

– Видишь ли, Колян, я сам был твоего возраста и прекрасно знаю, как таким пацанам, как ты, хочется девчонок. Нам тоже страшно хотелось, в штанах стояло день и ночь, по ночам особенно одолевали поллюции – это когда снится, что трахаешь девчонку или взрослую жинку, к примеру, – преподавателя ВУЗа по русскому или собственную мамку, а на утро просыпаешься с мокрыми впереди трусиками, как будто уссался. (Он, метнув в меня лукавый, всё понимающий взгляд, хихикнул). Некоторые челы на нашем курсе, – углубился я в свои воспоминания, – занимались онанизмом. Доставали где-то порнографические картинки из запрещённого американского журнала «Playboy» и мастурбировали в общежитии. Либо поздним вечером забирались в густые кусты в тёмных аллеях и, спустив до колен джинсы, дрычали на проходивших мимо взрослых женщин. Но я не занимался подобными глупостями, – подвёл итог я, бросил под лавочку окурок сигареты и победно посмотрел в глаза Коляна, который внимательно меня слушал.

– Хочешь знать, чем я занимался? – интригуя спросил я, не отрывая от него прилипчивого, завораживающего тайной, взгляда.

– Чем? – тихо, одними губами спросил он. В этот момент он был – весь слух и внимание. Даже чуть-чуть подался ко мне, интуитивно потянувшись, как будто почувствовал во мне родственную душу.

– Я сам исполнял роль девчонки: целовал писюны своих институтских приятелей и давал им в попку. От этого мне было очень добрэ та солодко. Я представлял себя девочкой и кончал, когда меня имели в зад... Тебя ничего, не шокирует это? Я просто вижу, что ты вполне компанейский хлопэць... Не какая-нибудь отвязанная шелупонь. Потянуло на откровенность.

Он смущённо пожал плечами и снова стыдливо хихикнул. Он явно не знал, что мне ответить и продолжал заморожено сидеть рядом, как загипнотизированный, втайне жаждая услышать новые запретные откровения. Ему, видимо, очень нравилось слушать такие неожиданные вещи из уст взрослого, смешного, нелепого «дядьки».

Я, обрадованный тем, что он, услышав всё это, хотя бы не убежал, а тем более, не дал мне кулаком в физиономию, как делали другие до этого, внутренне расслабился и осмелел. Протянув трепещущую руку к нему, осторожно коснулся паха. Он сильно вздрогнул и вонзил в меня испуганный, недоумевающий взгляд. Я, ни слова не говоря, продолжил шарить рукой у него между ног, нащупывая ускользящий, маленький отросток.

- Пойдём в кусты, - недвусмысленно шепнул я, и рука моя заходила у него между задрожавших ног ещё интенсивней.

Он понял, для чего я зову его и согласно кивнул головой. Мы встали и быстро юркнули в не очень густые кусты за лавочкой. Если бы на дорожке появились прохожие, они, вероятно, увидели бы нас сквозь ветки, но мне было уже всё безразлично. Сжигаемый острым, необъяснимым желанием, я упал перед ним на колени, быстро, путаясь в пуговицах, расстегнул ширинку на его брюках, вытащил начинавший твердеть, невзрачный член с полуоткрытой острой головкой. В моих шаловливых мягких пальчиках он заметно окреп и начал вытягиваться мне навстречу. Парень сильно вздрогнул всем телом и подал голос. Видимо, его начинало пробирать от моих откровенных прикосновений.

Я немного помял его орган, погонял кожицу туда-сюда, пока ствол не окреп окончательно, приняв строго горизонтальное положение. Тогда я смело оттянул складку кожи с головки и коснулся её губами. В рот мне как будто влили крепкого вина, - в голове помутилось и зашумело. Я негромко застонал и проглотил ртом весь его вставший писюн, до самого основания. Ощущения были настолько необычные, что я возбудился мгновенно, чувствуя, как вылезает в штанах набрякшая головка моего собственного фаллоса не только из складок кожи, но и из Наташкиных трусиков.

Я стал сосать у него с таким упоением, так быстро елозил по затвердевшему мокрому стволу влажными горячими губами, что он начал корчиться, интенсивно подмахивать, загоняя писюн поглубже в мой рот. Не сдерживая плещущих через край эмоций, он протяжно стонал. Я тоже издавал какие-то приглушённые, мычащие эротические звуки - стонать мешал его член. На глазах моих появились слёзы счастья и упоения, я почувствовал приближение взрывного оргазма, схватил его за половинки зада обеими руками, впился в них пальцами в глубоком экстазе.

Он задрожал ещё сильнее, член его в моём рту окаменел, разбух ещё больше. Я понял, что он вот-вот кончит, нежно

дотронулся кончиком языка до выпуклой дырочки на головке его пизюна, поелозил по ней. В тот же миг он как-то жалобно вскрикнул, сжал руками мою голову, посунул член в самое отверстие моей глотки. Тотчас туда сильной струёй брызнула его горячая сперма. Он продолжал гонять в моём рту член, изливаясь в меня, дрожа и конвульсивно дёргаясь. Видя его бурную реакцию, то удовольствие, какое он получал, спуская мне в рот, я затрепетал в свою очередь, быстро рванул молнию на джинсах, выпуская из ловушки одеревеневший от стоячки свой член. Он тут же импульсивно задёргался и стал стрелять густой, застоявшейся спермой на брюки моего любовника.

Мне стало так хорошо и безразлично всё на свете, что я, как всегда, громко промычал «мама» – рот по-прежнему был занят его пенисом. Я вытащил его изо рта, всё ещё извергающего толчками последнюю сперму, преданно взглянул на него снизу вверх, прошептал: «Я люблю тебя!» Припал жарким лицом к его мокрому, разгорячённому паху.

Он смущённо что-то промямлил мне в ответ: я расслышал «дякую»... Руки его снова крепко-крепко сжали мою взлохмаченную голову, – этим он выражал свою благодарность. Тёплая ладонь его мягко легла на мои волосы.

Немного отойдя от случившегося, я спрятал в штаны свой заметно опавший член. Его орган ещё раз хорошенько облизал, чтобы нигде не оставалось ни капельки, смочил головку и ствол своей слюной. Затем снова всё насухо вытер языком, почмокал головку губами, аккуратно застегнул ширинку на его брюках. Он указал мне глазами на обляпанные моей спермой штанины. Я хотел слизать сперму и с них, но он меня поспешно удержал, сказал «нэ трэба». Тогда я просто вытер его брюки руками, достав из заднего кармана джинсов носовой платок, поплевал в него, затёр хорошенько пятна.

– Тебе понравилось, Коля? – робко спросил я, выходя вместе с ним из кустов.

– Так! – кивнул он головой.

– Мы ещё зустринэмось?

– Звычайно.

Я вытащил из нагрудного кармана приталенной рубашки маленький кокетливый блокнотик и шариковую ручку, быстро что-то черкнул в нём, вырвав, сунул ему клочок бумажки:

– Ось мий рабочий. Дзвоны, если что...

Он понимающе кивнул, пряча бумажку.

- Запиши свий, - попросил я.

Он сделал. Протянув мне записку, пояснил:

- Цэ домашний.

- Бай, милый! - помахал я ему одними пальчиками, как это обычно делают при расставании девчонки.

- Покры що, - снова кивнул он.

Мы разошлись, счастливые и удовлетворённые. Во всяком случае - я.

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>